

История возникновения института компенсации морального вреда в законодательстве России

Несмотря на то, что институт компенсации морального вреда нашел свое законодательное закрепление совсем недавно, он имеет свои глубокие исторические корни. Так, еще классическое римское право, ставя на первый план материальные блага, вместе с тем «зорко следило» за теми случаями, когда римскому гражданину наносилась телесная или душевная рана. Законы XII таблиц выделяли три гипотезы личного оскорбления: *membrum ruptum* (членовредительство), *os fractum* (сломанная кость, тяжкое телесное повреждение) и *iniuria* - любое другое личное оскорбление¹. Первоначально за обиду и членовредительство суд мог назначить только строго определенное вознаграждение, установленное за сломанную кость раба - 150 ассов, свободного человека - 300 ассов, за оскорбление чести 25 ассов. Впоследствии наряду с общей *iniuria* преоторский эдикт, введенный в середине II в. до н. э., предусматривал в качестве основания для *iniuriarum* еще три гипотезы, которые демонстрировали постепенное утверждение понимания личного оскорбления как покушения на честь и достоинство римского гражданина:

- *convicium adversus bonos mores* (нападки, противоречащие добрым нравам), согласно которой преследовались угрозы и грубые словесные оскорбления;

- *adtemptata pudicitia* (оскорбленная невинность), которая относилась к нападениям или грубому обращению с женщинами знатных фамилий, а также с малолетними любого пола;

¹ Римское частное право. Учебник для Вузов. / Под ред В.С. Нерсесянца. - М., 1996. - С. 558.

- *ne quid infamandi causa fiat* (да не предпринимается действий с целью опорочить), которая обнимала все возможные случаи морального ущерба, связанные с покушением на честь и достоинство¹.

Несомненно, что идея возмещения морального вреда зародилась в римском праве, однако следует заметить, что прошлое России не дает основания думать, будто частные лица могли домогаться в судах возмещения одного лишь имущественного вреда. Убийства, увечье, обиды с давних пор давали потерпевшему право искать в свою пользу денежное вознаграждение за моральный вред. В самые ранние эпохи государство поощряло получение с нарушителя такого вознаграждения, вытесняющего обычай личной расправы с ним со стороны потерпевшего или родственников.

При имущественных нарушениях таких, как воровство, незаконное пользование чужой собственностью, полагалось, кроме возмещения имущественного ущерба, особое денежное вознаграждение «за обиду». Обида понималась в древности в самом широком значении, не только как нарушение личных прав, но и как грубое вторжение в чужую имущественную сферу, т.е. в том же смысле, в каком она понималась в древнем Риме².

В дошедших до нашего времени договорах, ставших первыми письменными источниками древнерусского права, которые заключили с греками князь Олег в 911 г. и князь Игорь в 945 г., имеется ряд норм, относящихся к гражданскому и уголовному праву и регулирующих наказание за уголовные преступления, связанные, в том числе, с выплатой материального вознаграждения. Так, ст. 4 договора 911 г. (соответствующая ей ст. 13 договора 945 г.), регламентирующая ответственность за убийство, предусматривает, в частности, в случае бегства убийцы, при наличии у последнего имущества, обращение его в пользу родственников убитого. В случае же отсутствия имущества надлежало производить поиски виновного и при обнаружении предавать его смерти. Статья 5 договора 911 г. и ст. 14 договора 945 г. предусматривают денежное взыскание за

¹ Там же. - С. 559.

² Беляцкий С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. - М., 1996. - С. 37.

причинение телесных повреждений. Денежное взыскание за имущественные преступления было установлено в ст. 6 договора 911 г¹. Предписания данных договоров можно по праву считать родоначальниками действующего ныне института компенсации морального вреда.

Следующим этапом в развитии института компенсации морального вреда в российском праве является принятие первого кодификационного акта – Русской правды, предусматривающей целый ряд статей, направленных на защиту чести, жизни, здоровья, а также имущественной сферы человека.

При воровстве, незаконном пользовании чужой вещью, помимо возмещения имущественного ущерба, устанавливалось особое денежное вознаграждение «за обиду». Например, в ст.34 Пространной редакции Русской Правды говорится, что в случае кражи коня, оружия или одежды кроме возвращения похищенного виновный платит собственнику ещё и три гривны за обиду².

Немало внимания в Русской Правде уделялось материальной ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и честь человека. Так, в ст.2 Краткой редакции Русской Правды закреплялось положение о том, что в случае нанесения телесных повреждений предоставляется потерпевшему альтернатива: либо самому мстить обидчику, либо, в случае отказа от мести, получить с последнего 3 гривны за обиду³.

Большое значение придавалось имущественной компенсации родственникам убитого. Русская Правда ограничивает власть родственников погибшего над убийцей путём предоставления возможности замены кровной мести выкупом. Убийца мог уладить дело с родственниками убитого, заплатив названную ими сумму - «головщину». Если виновный оказывался несостоятельным, по-

¹ Салтыкова С. Зарождение древнерусского права // Российская юстиция. – 1997. - № 1. - С. 60.

² Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. - М., 1984. - С. 66.

³ Там же. - С. 47.

следние могли наказать его по своему усмотрению, но не имели права лишить его жизни¹.

Русская Правда признавала оскорбление чести только делом, а не словом, а поэтому правонарушения этого рода по внешнему составу сливались с правонарушениями против здоровья. Различия между теми и другими устанавливались гораздо большей наказуемостью деяний, не соответствующей величине их вреда; например, удар необнаженным мечом или рукоятью, конечно, наносил гораздо меньше вреда, чем тяжкая рана мечом; между тем за деяние первого рода полагался штраф вчетверо больший (12 гривен), чем за второе. Точно такое же значение имел и высокий штраф за удар батоном, жердью, ладонью, чашей или рогом (орудиями пира) или тупой стороной меча; вырывание бороды и усов как символа мужества. Наличие столь высоких штрафов М.Ф. Владимирский-Буданов обосновывает следующим образом: «Если за отнятие пальца взыскивалось 3 гривны, то ничем иным нельзя объяснить штраф в пользу обиженного в 12 гривен за вырывание уса, как понятием психического оскорбления»².

Русская Правда в её Пространной редакции на протяжении нескольких веков оставалась общим законом, определяющим принципы отечественного судопроизводства. Даже в XV и XVI вв. суды нередко назначали стародавние таксы, а также «поток и разграбление» (отобрание всего имущества осуждённого) и «выбытие его вон из земли».

Третий этап в развитии института компенсации морального вреда относится к периоду становления Московского государства. С течением времени, когда начала усиливаться центральная государственная власть, государство стремилось к тому, чтобы взять на себя ответственность по защите нематериальных благ, и создавало уголовные наказания для правонарушителей. Издан-

¹ Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. - М., 1994. - С. 194.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права.- Ростов-на-Дону, 1995. - С.319.

ный в 1497 г. Судебник Ивана III предусматривал наряду со смертной казнью взыскание головы из имущества убийцы. В Судебнике Ивана IV (1550 г.) также есть положение о возможности предъявления гражданского иска за убийство¹. Оба Судебника содержали целый ряд постановлений о взыскании «бесчестья», т.е. денежной суммы в пользу обиженного, причем ставя ее в зависимость от того, к какому сословию пострадавший принадлежит².

Следующим более совершенным источником института компенсации морального вреда в России было Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.³, которое точным образом регламентировало, сколько полагается за «бесчестье» людям разного звания, городским и сельским жителям, служилым и духовным лицам.

В зависимости от звания и сана ответственность за оскорбление определялась в размере от 1 до 400 руб. Социальное положение человека влияло и на размер денежной компенсации за причинение телесных повреждений⁴. Оскорбление могло заключаться в простой брани, или в ненадлежащем обозначении отчества и фамилии, или в названии «малопородным», уменьшительными титулами, или названии мужчины «жонкой». Оскорбление женщины признавалось тягчайшим видом преступлений против чести; за оскорбление жены взыскивался штраф вдвое против оклада мужа; за оскорбление дочери-девицы - вчетверо (тогда как за оскорбление несовершеннолетнего сына - только половину)⁵. Следует отметить, что в Уложении существовало и понятие клеветы. В составе этого преступления заключался не только упрек в постыдных действиях самого оскорбляемого, но и упрек в незаконности происхождения, в раз-

¹ Российское законодательство X - XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Российского централизованного государства. - М., 1984. - С. 55 - 56, 107 - 108.

² Там же. - С. 54 - 62, 97 - 120.

³ Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских Соборов. - М., 1985. - С. 138.

⁴ Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских Соборов. - М., 1985. - С. 106 - 112.

⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - Ростов-на-Дону, 1995. - С.349.

вратной жизни жены и т.д. При этом закон допускал проверку на суде возведенных обвинений и наказывал оскорбителя лишь в том случае, если обвинение оказывалось лживым (Улож., X, 270).

В общих чертах эти правила о взыскании денежных сумм за «бесчестье» действовали и в XVIII веке. Так, например, в Манифесте 1787 г. наказывалось как очное, так и заочное оскорбление. В него включались словесные формы, действия, жесты, тон¹. Причем оскорбление женщины по Городскому положению 1785 г. наказывалось вдвое строже, чем оскорбление мужчины. Наказание за оскорбление должностных лиц возрастало пропорционально повышению их ранга².

За оскорбление словом виновный перед судом просил прощения у обвиненного. Если оскорбление было жестоким, то он дополнительно наказывался штрафом и краткосрочным тюремным заключением.

Изменения, произошедшие в правовой системе России при ее вступлении в период абсолютизма, послужили предпосылками для выделения следующего этапа в развитии института компенсации морального вреда.

Для рассматриваемого этапа была характерна весьма интенсивная систематизация нормативного материала, результатом которой послужило издание в начале 30-х годов XIX в. под руководством М.М. Сперанского Полного собрания законов и Свода Законов Российской империи.

В Свод были включены лишь действующие акты, некоторые законы подверглись сокращению; из противоречащих друг другу актов составители выбрали позднейшие. Составители стремились расположить акты по определенной системе, соответствовавшей отраслям права.

Действовавшее гражданское право было систематизировано в X томе Свода законов, значительное место в котором было отведено обязательственному праву, что вызывалось развитием товарно-денежных отношений. Разли-

¹ История государства и права России: Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное. / Под ред. И.А. Исаева. - М., 2000. - С. 293.

² Там же. - С. 293.

чались обязательства из договора и обязательства из причинения вреда. Причем для наступления последних требовалось наличие вины со стороны правонарушителя¹.

Далее развитие института компенсации морального вреда нашло свое закрепление в Законе от 21 марта 1851 г.². Однако в нём отсутствовали какие-либо чёткие общие нормы, предусматривающие возможность материальной компенсации морального вреда в качестве одного из способов защиты гражданских прав личности. В законе можно найти только относительные, частные аналоги института компенсации морального вреда, которые, разумеется, не могли охватить все возможные случаи его причинения. Например, предусмотренное ст. 667-669 (первая часть десятого тома Свода законов Российской Империи) взыскание с виновного в пользу пострадавшего от обиды или оскорбления специального платежа, строго зафиксированного в размере от 1 до 50 руб. и заменяющего уголовное наказание, или ст. 678 (там же), обязывающей судей, постановивших неправосудный приговор, возместить неправильно осуждённому материальный ущерб, а также выплатить ему определённую в законе сумму денег. В то же время при причинении вреда здоровью человека, при совершении убийства прослеживается отсутствие чётких и недвусмысленных норм, предусматривающих компенсацию именно физических и психических страданий, что делало крайне затруднительным для потерпевших от этих преступлений или их родственников получение с виновного лица материального удовлетворения за перенесённые ими страдания. В законе говорилось «о вреде и убытках» от деяний преступных (ст. 644) и непроступных (ст.684). При этом не ясно, подразумевается ли под вредом, подлежащим возмещению, вред только имущественного характера или данный термин можно трактовать шире³. Такая ситуация

¹ Там же. - С. 401 - 402.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. Второе. XXVI. Отд. 1. - СПб., 1852. - С. 210 - 224.

³ Понарин В.Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России. - Воронеж, 1994. - С. 63.

формально открывала дорогу для функционирования института компенсации нематериального вреда.

Мнения ученых правоведов того времени по данному вопросу разделились. Например, С.А. Беляцкий, будучи сторонником идеи компенсации морального вреда вообще, полагал, что законодательство России не препятствовало возмещению нематериального вреда. «Пусть даже законодатель не задавался серьезно мыслью о нематериальном вреде, а сосредоточивал внимание главным образом на имущественном ущербе ввиду большинства случаев именно такого ущерба. Но раз закон не выразил категорического веления по этому предмету, он, по меньшей мере, развязал руке практике и, не заполнив всего содержания понятия, оставил место для приспособления закона к нуждам жизни»¹.

Противником материальной компенсации морального вреда был Г.Ф. Шершеневич, утверждавший: «Нужно проникнуться глубоким призрением к личности человека, чтобы внушать ему, что деньги способны дать удовлетворение всяким нравственным страданиям. Переложение морального вреда на деньги есть результат буржуазного духа, который оценивает все на деньги, который считает все продажным»².

Следует отметить, что еще длительное время в России господствовало воззрение, что возмещение нематериального вреда не может входить в задачи гражданского права: этот вред, во-первых, не может быть оценен на деньги, а, во-вторых, если бы даже такая оценка была каким-нибудь образом возможна, она была бы нежелательна, так как она унижала бы те самые духовные блага, которые желают повисить и охранить»³.

Тем не менее рядом с этим воззрением возникло другое, которое считает гражданское право принципиально обязанным взять эти попираемые нематериальные интересы под свою защиту. Прежде всего это воззрение зародилось в

¹ Беляцкий С. А. Возмещение морального (нематериального) вреда. - М., 1996. - С. 44 - 45.

² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3. - М., 1912. - С. 683.

³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. - М., 1998. - С. 139.

практической юриспруденции, именно в практике французских и английских судов, которые стали широко давать денежное удовлетворение за моральный вред. За практикой мало-помалу пошла и теория, а затем это воззрение перекинулось и в другие страны¹. В частности, в Германии горячими защитниками его являлись такие авторитеты, как Иеринг и Гирке. Настроение в пользу возмещения нематериального вреда стало расти и, несмотря на столь же горячую оппозицию, в значительной степени нашло отражение в новейших кодификациях.

Так, согласно Германскому Уложению (§847), в случае телесного повреждения, повреждения здоровья, лишения свободы или нарушения женской чести гражданский суд может назначить некоторое «справедливое вознаграждение» и за нематериальный вред. Далее, предоставляя суду право понижения назначенной в договоре неустойки, если она покажется чрезмерной, Германское Уложение предписывает, однако, суду в таком случае принимать во внимание и нематериальные интересы того, кто эту неустойку выговорил (§ 343). Наконец, германский уголовный закон при целом ряде преступлений (клевета, нарушение авторского права и т.д.) предоставлял суду право назначить, сверх уголовного наказания, еще и частный штраф (так называемый *Busse*) в пользу потерпевшего в виде его удовлетворения².

Швейцарский закон об обязательствах 1911 г. пошел еще дальше. Установив в ст. 47, что в случае убийства или телесного повреждения суд может возложить на преступника обязанность уплатить некоторую соответствующую сумму потерпевшему или его близким в виде удовлетворения, он затем в ст. 49 сформулировал для всех других правонарушений следующее общее правило: «Кто окажется потерпевшим в своих личных отношениях, может при наличии вины правонарушителя требовать возмещения вреда, а там, где это оправдывается тяжестью правонарушения или виновности, может требовать, сверх того, и уплаты денежной суммы в виде удовлетворения»³.

¹ Там же. - С. 139 - 140.

² Там же. - С. 140.

³ Там же. - С. 141.

В 1905 г. в России был разработан проект нового Гражданского уложения, в котором нашла отражение тенденция, проявившаяся в законодательстве ряда других стран, по формированию института защиты неимущественных благ. Так, прежде всего по примеру Германского уложения, он устанавливал возмещение нематериального вреда при некоторых определенных деликтах. Статья 1201 предусматривала: «В случаях причинения обезображивания или иного телесного повреждения, равно как и в случае лишения свободы, суд может назначить потерпевшему денежную сумму по справедливому усмотрению, принимая во внимание, была ли со стороны виновного обнаружена злонамеренность и другие обстоятельства дела, хотя бы потерпевший не понес никаких убытков (нравственный вред)». Статья 1202 присоединяла сюда случаи любодеяния и обольщения. Далее проект заимствовал из германского кодекса и положения относительно неустойки: ст. 70 предписывала судье при понижении этой последней «принять в соображение не только имущественные, но и другие справедливые интересы верителя»¹. Заслуживает внимания попытка авторов проекта распространить следующее неизвестное предыдущим кодексам правило. Статья 130 гласила: «Верителю должны быть возмещены убытки, которые непосредственно вытекают из неисполнения должником обязательства и которые могли быть предвидены при заключении договора. Должник, умышленно или по грубой неосторожности не исполнивший обязательства, может быть присужден к возмещению и других, кроме указанных выше, убытков, хотя бы они заключались не в имущественном, а нравственном вреде и не подлежали точной оценке»².

Из анализа приведенных выше статей можно сделать вывод, что проект 1905 года выходил за пределы деликтов и устанавливал возмещение нематериального вреда даже при неисполнении договоров. Тем не менее данный проект так и остался на бумаге, действовал же Закон от 21 марта 1851 г.

¹ Там же. - С. 141.

² Там же. - С. 142.

Следует отметить, что в юридической науке и судебной практике к началу XX в. стали предприниматься попытки легализации принципа возмещения неимущественного вреда. Так, в 1909 г. по делу Дамбы (№ 46) Сенат развил теорию возмещения нематериального вреда в связи с увечьем, дав толкование понятию вреда, причиненного лицу человека увечьем, понимая под ним всякий вред, всякое зло, которым подвергся потерпевший. Далее Сенат разъяснил, что при исчислении размера вознаграждения суд не только вправе, но и обязан принять во внимание наряду с материальным ущербом и другие вредные, не менее тяжкие и нередко непоправимые последствия увечья, как-то: расстройство здоровья, физическое уродство, большая или меньшая беспомощность потерпевшего и вообще более или менее серьезное ухудшение в условиях его дальнейшей жизни¹.

Спустя год, в эпоху реформы гражданского права, в Санкт-Петербургском юридическом обществе 24 ноября 1910 года С. А. Беляцким был прочитан доклад «Возмещение морального (неимущественного) вреда». На основании исследования правовых источников российского государства, таких как Судебники царей Иоанна III и Иоанна IV, Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., законодательные акты времен царствования Петра I и Екатерины II, Свод законов 1875 г., С. А. Беляцкин утверждал, что «в России созрели все предпосылки для законодательного закрепления института возмещения морального вреда»². Отсутствие норм права, регулирующих возмещение морального вреда, по мнению автора, может развязать руки судебной практике и оставляет место для приспособления закона к нуждам жизни. «Если на букве действующих законов нельзя обосновать стройной системы возмещения нравственного вреда, то позволительно, однако, думать, что в важных случаях такого вреда, как причинение смерти близкому человеку, повреждения здоровья, обезображивание лица, лишение свободы, оскорбление чести или женского целомудрия, нарушение привилегий или авторских прав, не исключая также слу-

¹ Беляцкин С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. - М., 1996. - С. 53.

² Там же. - С. 14.

чаев обязательного нравственного вреда от нарушений договоров и обязательств, наши суды не грешили бы ни против смысла закона, ни против юридической логики, присуждая потерпевшему вознаграждение по усмотрению судьи»¹. Несмотря на актуальность рассматриваемого вопроса, институт возмещения морального (неимущественного) вреда так и не получил закрепления в гражданском законодательстве дореволюционной России.

В России еще долгое время господствовала точка зрения, опиравшаяся на традиции классического римского права. Компенсация за личное оскорбление могла быть взыскана в порядке гражданского судопроизводства только в случаях, если она косвенно отражалась на имущественных интересах потерпевшего. Дореволюционные российские правоведы, как правило, рассматривали в основном личную обиду как возможное основание для предъявления требования о выплате денежной компенсации, понимая под обидой действие, наносящее ущерб чести и достоинству человека, и в большинстве своем считали предъявление такого требования недопустимым.

Доминирующий подход к этому вопросу выразил Г.Ф. Шершеневич: «Личное оскорбление не допускает никакой имущественной оценки, потому что оно причиняет нравственный, а не имущественный вред, если только оно не отражается косвенно на материальных интересах, например, на кредите оскорбленного (т. X, ч. 1, ст.670). Разве какой-нибудь порядочный человек позволит себе воспользоваться ст. 670 для того, чтобы ценой собственного достоинства получить мнимое возмещение? Разве закон этот не стоит препятствием на пути укрепления в каждом человеке уважения к личности, поддерживая в малосостоятельных лицах, например лакеях при ресторанах, надежду «сорвать» некоторую сумму денег за поступки богатого купчика, которые должны были бы возбудить оскорбление нравственных чувств и заставить испытать именно нравственный вред»².

¹ Там же. - С. 45 - 46.

² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). - М., 1995. - С. 402.

Октябрьская революция 1917 г. послужила началом советской доктрины развития представлений о компенсации морального вреда. В это время господствовало мнение о недопустимости такого возмещения, в связи с чем гражданское законодательство послереволюционной России не предусматривало понятие морального вреда и возможности его возмещения. Соответственно и судебная практика отличалась стабильностью в этом вопросе, и суды неизменно отказывали в изрядка предъявлявшихся исках о возмещении морального вреда в денежной форме.

Несмотря на это в 20-е годы (после принятия Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.) среди юристов возникли споры по поводу допустимости компенсации морального вреда. С одной стороны, например, А. Зейц категорически отвергал саму возможность компенсации морального вреда в советском обществе, рассматривая данный институт как классово чуждый социалистическому правосознанию¹. В свою очередь, Б. Утевский полагал, что и ст. 403 ГК РСФСР 1922 г. и ст. 44 УК РСФСР, принятого 22 ноября 1926 г., являлись основанием для возмещения не только материального, но и морального вреда. С его точки зрения, в ст. 403 ГК РСФСР 1922 г. имущественный вред противопоставлялся вреду, причиненному личности, а кроме того, по мнению автора, нет никаких оснований ограничивать понятие «личность» только физической неприкосновенностью, поскольку данное понятие носит скорее нематериальный характер, охватывая духовную, моральную сферу человека².

Сторонниками принципа возмещения морального вреда в то время были И. Брауде³, К.М. Варшавский⁴. Однако эти суждения практически никак не по-

¹ Зейц А. Возмещение морального вреда по советскому праву. // Еженедельник советской юстиции. - 1927. - № 47. - С. 1465.

² Утевский Б. Возмещение неимущественного вреда как мера социальной защиты // Еженедельник советской юстиции. - 1927. - № 35. - С. 1084.

³ Брауде И. Возмещение неимущественного вреда // Революционная законность. - 1926. - № 9. - С. 12.

⁴ Варшавский К.М. Обязательства, вытекающие вследствие причинения вреда другому. - М., 1929. - С. 24.

вливали на правоприменительную практику тех лет, отказавшуюся удовлетворять иски о защите нематериальных благ путем взыскания денежных сумм. Разумеется, что и по уголовным делам потерпевшие от преступлений были лишены возможности предъявить гражданский иск в связи с причинением им морального вреда.

В 50-е годы эти дискуссии как-то сами по себе прекратились, и в дальнейшем, в результате соответствующей пропаганды, в общественном правосознании представления о недопустимости оценки и возмещения морального вреда в имущественной форме укоренилось настолько, что появлявшиеся в печати сообщения о случаях присуждения имущественных компенсаций за причиненный моральный вред воспринимались как курьезы, чуждые социалистическому правовому регулированию¹.

В ст. 1 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.² (далее ГК РСФСР) было предусмотрено, что данный кодекс «... регулирует имущественные и связанные с ними неимущественные отношения». Это послужило причиной появления новой волны дискуссии о возможности материального возмещения за причиненный моральный вред. Так, возможность возмещения морального вреда нашла отражение в работах А.М. Беляковой³, С.Н. Братуся⁴, Ю.Х. Калмыкова⁵, Н.С. Малеина⁶ и других. Признавалась необходимость введения института денежной компенсации неимущественного вреда, поскольку область гражданско-правового регулирования охватывает не только имущественные, но и личные неимущественные отношения.

¹ Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. - М., 1997. - С. 71.

² Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1964. - №24. - Ст.407.

³ Белякова А.М. Имущественная ответственность за причинение вреда. - М., 1979. - С. 10.

⁴ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. - М., 1976. - С. 402.

⁵ Калмыков Ю.Х. Возмещение вреда, причиненного имуществу. - Саратов, 1965. - С. 22.

⁶ Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. - М., 1981. - С. 163.

Высказываемые в поддержку принципа возмещения морального вреда аргументы обосновывались тем, что правовые системы ряда государств предусматривали возмещение морального вреда (Польская Народная Республика, Чехословацкая Социалистическая Республика, Германская Демократическая Республика). Как отмечал Н.С. Малеин, «и практика СССР шла по пути предъявления исков о возмещении морального вреда в тех случаях, когда, например, повреждение здоровья или причинение смерти советского гражданина произошли в капиталистической стране и дело рассматривалось судом по законодательству места совершения правонарушения»¹.

Хотелось бы отметить, что в сложившейся ситуации законодательство, регулирующее уголовное судопроизводство, тем не менее создавало больше возможностей для материальной компенсации моральных переживаний, нежели действовавшее тогда законодательство гражданское. Так, принятый 27 октября 1960 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР² впервые в российском законодательстве легализовал термин моральный вред. В ст. 53 данного кодекса, в частности, говорится: «Потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред».

Однако до начала 90-х гг. институт возмещения морального вреда так и не получил своего правового закрепления в российском гражданском законодательстве. Впервые право на возмещение морального вреда было установлено в Законе СССР «О печати и средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г.³, хотя содержание понятия «морального вреда» в нем так и не было раскрыто. Ст. 39 данного Закона предусматривала, что моральный вред, причиненный гражданину в результате распространения средствами массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной нематериальный ущерб, возмеща-

¹ Малеин Н.С. О моральном вреде. // Государство и право. - 1993. - № 3. - С. 33.

² Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1960. - №40. - Ст.592.

³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. - 1990. - № 26. - Ст. 492.

ется по решению суда средствами массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами.

Начало современного этапа развития института компенсации морального вреда связано с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г.¹. (далее - Основы), которые в ст. 131 раскрыли содержание понятия «моральный вред», определив его как «физические или нравственные страдания».

Действующие в настоящее время части первая², вторая³, третья⁴ и четвертая⁵ Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) имеют несколько иной (по сравнению с предшествующим актом) подход к институту компенсации морального вреда.

Согласно ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. Из перечня действий, совершение которых порождает ответственность за причинение морального вреда, согласно диспозиции названной статьи, оказались исключены действия, нарушающие имущественные права гражданина, но не урегулированные законом.

В ст. 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик была установлена ответственность за моральный вред, причиненный гражданину неправомерными действиями, и тогда, когда в законе нет специального указания на возможность его компенсации, в связи с чем подлежал бы возмеще-

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. - 1991. - № 26. - Ст. 733.

² Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - №32. - Ст. 3301.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - №5. - Ст. 410.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - №49. - Ст. 4552.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - №52. - Ст. 5496.

нию моральный вред, причиненный, например, кражей, противоправным уничтожением имущества и т.п.

Следующее отличие связано с основанием компенсации морального вреда. Если Основы гражданского законодательства 1991 г. допускали возмещение морального вреда только при наличии вины причинителя вреда, то ст. 1100 ГК РФ содержит перечень случаев наступления обязанности компенсировать моральный вред независимо от вины. Также следует отметить, что согласно ст. 131 Основ моральный вред подлежал возмещению в денежной или иной материальной форме, что, на наш взгляд, способствовало бы удовлетворению интересов кредитора в случае отсутствия у должника денежных средств. Приходится с сожалением отметить, что с принятием Гражданского кодекса Российской Федерации сделан шаг назад по сравнению с Основами в развитии этого важного института российского законодательства.

Российские законодатели внесли нормы о возмещении морального вреда и в ряд специальных законов. Это: Закон «Об охране окружающей природной среды» от 19 декабря 1991 г.¹, Закон «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г.², Закон «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г.³, Закон «О статусе военнослужащих» от 22 января 1993 г.⁴ и др.

Содержанию морального вреда уделил внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 10 от 20 декабря 1994 г., указав, что под «моральным вредом» понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага

¹ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. - 1992. - № 10. - Ст. 457.

² Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. - 1992. - № 15. - Ст. 766.

³ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. - 1992. - № 7. - Ст. 300.

⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. - 1993. - № 6. - Ст. 188.

(жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с Законом об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина¹. Дав толкование понятию «моральный вред», он содействовал установлению единообразия в вопросе конкуренции нормативных актов при применении законодательства о компенсации морального вреда, однако существенных указаний о размере компенсации морального вреда не содержал. Более того, в нем было закреплено явно неверное, на наш взгляд, суждение о возможности компенсации морального вреда юридическому лицу.

Обобщая вышеизложенное, можно выделить шесть основных этапов развития института компенсации морального вреда в российском праве:

Первый этап - зарождение в древнерусском праве - относится к X веку, когда государство поощряло взыскания с причинителя неимущественного вреда денежного эквивалента, так как это способствовало вытеснению кровной мести со стороны потерпевшего или его родственников. Первое упоминание в договорах Руси с Византией.

Второй этап - принятие первого кодификационного акта - Русской Правды, предусматривающего, целый ряд статей, направленных на защиту чести, жизни, здоровья, а также имущественной сферы человека.

Третий этап - образование Русского централизованного государства, возникновение и развитие общерусского права (вторая половина XIV - первая половина XVI в.). Характеризуется принятием целого ряда источников права, точным образом регламентирующих, сколько полагается за «бесчестье» людям разного звания, городским и сельским жителям, служилым и духовным лицам.

Четвертый этап - образование и развитие в России абсолютной монархии. Для рассматриваемого этапа была характерна весьма интенсивная систематиза-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1995. - № 3. - С. 9.

ция нормативного материала. В юридической науке и судебной практике к началу XX в. предпринимаются попытки легализации принципа возмещения неимущественного вреда.

Пятый этап - образование и развитие советского государства. Господствовала концепция, основанная на утверждениях о невозможности измерять достоинство советского человека в «денежной форме». В связи с этим гражданское законодательство послереволюционной России до 1990 г. не предусматривало понятия морального вреда и возможности его возмещения.

Шестой этап - современный период развития института компенсации морального вреда - берет свое начало с принятия Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, в которых сделана первая, довольно успешная попытка легализации понятия «моральный вред», продолжающаяся до наших дней.